

Пресса о коррупции. Контент-анализ газетных публикаций*

Е. А. Богомолова, В. Г. Погорецкий

В современном обществе коррупция является одной из наиболее болезненных проблем, ее губительное влияние сказывается практически на всех аспектах функционирования социального организма, во всех секторах его деятельности. Коррупция, поражая все эшелоны социального управления, способна свести на нет усилия по реформированию общества, дискредитировать любую идею социального переустройства. Сознвая эту опасность, общество готово противостоять ей, мобилизуя свои ресурсы по возможно большему числу направлений государственного и гражданского управления, предпринимая разнообразные попытки влияния на общественное сознание с целью создания устойчивого активного противостояния коррупции в самых широких слоях граждан, участниках и субъектах процессов социального действия.

Текущие публикации в прессе представляют общественности как хронику, так и аналитику той реальности, которая является непосредственной средой коррупции, многообразие проявлений этого социального феномена в представлении неиссякающего потока разнообразных фактов коррупции.

Контент-анализ является как раз тем методом, который позволяет идентифицировать, типологизировать, обобщить совокупность материалов о коррупции в прессе в целом, служа в этом смысле средством не только научного изучения социального явления, но и средством социальной рефлексии текущих событий гражданским обществом.

По общему убеждению, коррупция существовала всегда. Сложные отношения античной Греции и Персии полны примеров политического подкупа как целенаправленной последовательной политики [1]. Степень поражения коррупцией древнеримского общества может быть охарактеризована двумя примерами. Противник Рима нумидийский царь Югурта, покидая Город после переговоров, произносит: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, — если только найдет себе покупателя!» [2, с. 67]. Аппиан Александрийский, описывая противостояние Помпея и Цезаря, приведшее в результате к радикальным изменениям в римской политической системе, обращает внимание на радикализм

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02–03–18007а).

Помпея в должности консула. Он пишет: «Помпей тем временем начал процессы против различных злоупотреблений, в особенности против взяточничества и подкупа. Ему казалось, что именно в государстве тогда это и было главным недугом и что от искоренения этого последует быстрое исцеление» [3, с. 467]. И враг Рима и глава римского государства сходятся в одном — коррупция есть главный порок и изъян государства. В новейшей отечественной истории коррупция уже не раз становилась предметом острых политических баталий, спекуляций, популистских деклараций, способных приносить их инициаторам очки в борьбе за политическое влияние в обществе. Но именно сознание значительности и остроты проблемы побуждает выяснить, какова же ситуация с коррупцией в обществе на самом деле. Очевидно, что контент-анализ прессы не может в полной мере отразить масштабов коррупции и угроз общественной стабильности с ней связанных. Рамки публикаций, несмотря на отсутствие цензуры, обременены целым рядом ограничений. И тем не менее, пресса представляет плюралистическую, достаточно независимую картину данного социального явления. Особенно такой анализ актуален в текущем контексте общественной жизни страны.

Для анализа публикаций о коррупции были отобраны три источника: официальное правительственное издание «Российская газета» и два корпоративных, лояльная «Комсомольская правда» (заключение о лояльности мы сделали на том основании, что президент В. В. Путин воспользовался редакцией «КП» как площадкой для непосредственного обращения к гражданам страны) и конфронтационная «Независимая газета», владельцем которой на период исследования являлся предприниматель, публично заявлявший о своем несогласии с политикой проводившейся исполнительной властью. Были отобраны все публикации за период с 1 января 2005 г. по 30 сентября 2005 г.

После деления зарегистрированных публикаций на типы, к текстам типа «анализ случая» было отнесено 97 описаний. Из них:

- «Российская газета» — 41,
- «Комсомольская правда» — 24,
- «Независимая газета» — 32.

Поскольку в нашу задачу входило сопоставление характера публикаций в различных источниках, следовало анализировать каждый источник самостоятельно. Объединить их в общий массив было затруднительно еще и в силу того, что ряд текстов в различных изданиях посвящался одним и тем же громким коррупционным делам, и объединение источников вместе для получения общей статистической картины могло бы только исказить реальное положение дел. Такое объединение, тем не менее, возможно в случае необходимости, после проведения соответствующих коррекций, исключающих дублирование описаний. С точки же зрения сопоставления источников, параллельные описания представляют особый

интерес, поскольку позволяют непосредственно регистрировать как индивидуальные особенности описания и оценок события с позиций разных авторов, так и различие акцентов описаний в результате следования авторами разным установкам редакционных стратегий, если таковые имеют место.

В результате анализа кодифицированных по принятому классификатору (см. табл. 1) статей были получены следующие результаты:

Таблица 1

Классификатор. Коррупция. Анализ случая

№	Название пункта классификатора	
	№	Название позиции пункта классификатора
1	Город. Регион. Место коррупционного события	
	1	Столица
	2	Региональный центр
	3	Город регионального значения (Средний город)
	4	Малый город
	5	Сельский населенный пункт
2	Социальная сфера коррупционного события.	
	1	Исполнительная власть
	2	Законодательная власть
	3	Милиция
	4	Прокуратура
	5	Суд
	6	Вооруженные силы
	7	Таможня
	8	Медицина
	9	Образование
3	Должностной уровень субъекта коррупции	
	1	ЛПР (лицо принимающее решение) высшего уровня (Министр; глава региона, ведомства)

Продолжение таблицы 1

№	Название пункта классификатора	
	№	Название позиции пункта классификатора
	2	Функционер аппарата ЛПР высшего уровня
	3	ЛПР среднего уровня
	4	Функционер аппарата ЛПР среднего уровня
	5	Функционер низшего уровня (Исполнительное звено)
4	Степень общности коррупционного события	
	1	Индивидуальный
	2	Коллективный
	3	Коллективный предположительно
	4	Иерархический
	5	Иерархический предположительно
5	Тип коррупционного акта	
	1	Взятка
	2	Злоупотребление служебным положением
	3	Непотизм
6	Количественное определение коррупционного события	
	1	Единичное
	2	Множественное
	3	Многообразное (множественное, разных видов)
7	Форма стоимостного выражения единичного коррупционного акта	
	1	В денежном выражении
	2	В материальном выражении
	3	В денежном и материальном выражении
8	Субъект обвинения	
	1	Частное лицо

Окончание таблицы 1

№	Название пункта классификатора	
	№	Название позиции пункта классификатора
	2	Частное лицо — участник события
	3	Журналист
	4	Милиция
	5	Прокуратура
	6	Суд
	7	Должностное лицо
9	Стадия коррупционного события	
	1	Предание огласке
	2	Факт задокументирован
	3	Проводится следствие
	4	Предъявлено обвинение
	5	Идет суд
	6	Обвиняемые осуждены
	7	Обвиняемые оправданы
10	Процесс по делу	
	1	Завершен
	2	Развивается
	3	Неопределенно
11	Правомерность установления виновности	
	1	Правомерно
	2	Неправомерно

Прежде чем перейти непосредственно к представлению полученных данных отметим, что они отражают лишь характеристики коррупционных событий, описываемых в статьях, на их основании нельзя делать выводов о степени распространенности, характере и структуре коррупционных актов в обществе. Тексты статей представляют собой косвенное свидетельство

ство о реальности коррупционных явлений. Они воспроизводят только модель тех событий, которые происходят в действительности. Хотя пресса и призвана быть зеркалом реальной действительности, мотивация отражения фактов и событий в конкретных изданиях провоцируется множеством опосредованных привходящих обстоятельств, картина реальности, отраженная в прессе, с действительным процессом имеет относительные параллели. Соотнесение данных о коррупции, полученных на основании анализа газетных публикаций, с реальной статистикой правоохранительных органов может показать, с одной стороны, преувеличение места и роли излюбленной тематики публикаций относительно соответствующих им фактов реальности, или, напротив, обнаружить недостаток внимания или даже лакуны по поводу происходящих событий, с другой, выявить изъяны в официальной статистике, например, обращая внимание, на получившие широкое распространение факты латентной коррупции в отдельных сферах жизни, таких как образование и медицинское обслуживание.

Задача непосредственно данного анализа состоит в измерении количественных характеристик модели отражения коррупционных процессов общества в прессе, фиксации различия в акцентировании различных видов коррупционных событий в разных электронных изданиях, определении общих тенденций в освещении событий. Таким образом, возможно представить квантифицированный образ реальности, полученный на основе наблюдения реальности, для последующего сопоставления непосредственно с самой реальностью. Не будем забывать, что объектом нашей типологизации событий стал только один тип публикаций о коррупции, а именно «анализ случая». И в этом качестве она выполняет еще одну роль, параллельного технического средства социологического измерения, соотносимого по отдельным параметрам, с другим техническим средством социологического измерения, а именно дискурсивным контент-анализом текстов, сообщающих читательской аудитории о коррупции в другом жанре, жанре аналитического повествования.

Итак, первая позиция классификатора фиксирует место, территориальный признак коррупционного события. Обращает на себя внимание, что по признаку «центр — периферия» преимуществом в журналистском внимании обладает «центр», а именно федеральный или региональный центр, малый город и сельский населенный пункт занимают 8–3 процента, тогда как федеральный и региональный центры 92–85 процентов. В определенной степени это отражает действительное положение дел, поскольку государственные, административные службы сосредоточиваются именно в центрах, а не на периферии. Но это только с одной стороны, с другой, всевластие чиновников растет именно на периферии. Кроме того, коррупция не является пороком исключительно государственного аппарата и структур социального общественного управления. Управленцы, служащие, менеджеры корпоративных структур также оказываются

причастными к фактам коррупции, действуя или вопреки интересам бизнес-структур, делегировавшим им определенные властные полномочия, или в интересах собственных корпораций и своих лично, но при этом вступая в конфликт с интересами других корпораций, государственных и общественных организаций, конфликт не конкурентного, а криминального свойства. Эти же корпоративные структуры сосредоточивают свою деятельность далеко не всегда в федеральном и региональных центрах. Это дает нам основания констатировать наличие определенной доминанты в описании коррупции корреспондентами электронных изданий газет. Ранее мы обращали внимание на то что, контент-анализ — один из методов, который должен являться составляющей комплексных социологических исследований. В данном случае, результат контент-анализа, говорит о наличии доминанты, за которой может стоять определенная абберация. Имеет место абберация или нет, в любом случае в комплексном исследовании выявление доминант, аномалий достаточный повод для выдвижения гипотез и их проверки другими методами. В целом же мы должны отметить, что, хотя нами фиксировались все публикации анализируемых изданий за фиксированный период, они исчерпывающе характеризуют только непосредственно данный объект. В целом же претендовать на устойчивое отражение конфигурации коррупционных процессов в прессе они не могут из-за ограниченности статистической базы.

По территориальному признаку наши данные дают возможность сопоставить публикации в разных изданиях. Так если в «Комсомольской правде» предпочтение явно отдается столице, федеральному центру (~ 62 %), то в «Независимой газете» и «Российской газете» такое предпочтение оказывается региональным центрам (~ 56 %), хотя объект журналистского внимания во всех случаях один и тот же.

Социальная сфера коррупционного события — признак первостепенной важности. В «Комсомольской правде» и «Независимой газете» абсолютно доминирует класс коррупции в исполнительной власти 75 и 69 % соответственно. Возможно, это связано с определением коррупции, как преступления должностных лиц государственного административного управления, хотя отдельные авторы публикаций готовы рассматривать коррупцию в более широком контексте. В то же время в «Российской газете» случаи коррупции в исполнительной власти рассматриваются значительно реже — 39 %. Поскольку «Российская газета» является официальным органом Правительства России, то это можно расценить как отражение в редакционной политике политкорректности по отношению к своему фактическому руководству со стороны собственных корреспондентов газеты. Факт примечательный хотя бы потому, что другие лидеры, спонсоры, патроны, корпоративные владельцы, имеют возможность влиять на общий характер представления в прессе общественного явления. Сам по себе данный факт не нов и достаточно широко осознан, но в данном случае мы

можем получить представление о том, в каких количественных пропорциях отклонения, вызываемые подобными причинами, могут выражаться. В нашем случае отношение 1,9 : 1. Однако, если в «Российской газете» преступлений на почве коррупции непосредственно в структурах исполнительной власти рассматривается меньше, их рассматривается больше в сферах социальных институтов непосредственно находящихся под руководством исполнительной власти, или являющихся ее фактическим продолжением. Такого рода позицию можно рассматривать как позицию конструктивной и конкретной критики. Обращает на себя внимание отсутствие фиксируемых случаев коррупции в сфере медицины и образования в «Комсомольской правде» и «Независимой газете», хотя ссылки на фонд ИНДЕМ, специально исследующий проблемы коррупции в России, в тех же изданиях свидетельствуют, что это наиболее коррумпированные области общественной жизни. Вряд ли отсутствие внимания может быть объяснено скрытым и рутинным характером коррупции в этих сферах, поскольку в той же «Российской газете» они отмечены вниманием прессы.

Должностной уровень субъекта коррупции. Признак также как и предыдущий имеет первостепенное значение. В независимых изданиях коррупционные действия высших должностных лиц наиболее часто становятся объектом внимания корреспондентов и охватывают около трети всех описанных случаев. Это указывает на крайне опасную тенденцию, высшие должностные лица (в принятой нами терминологии лица, принимающие решения (ЛПР)), облеченные особым доверием, и призванные не только исполнять, но и формировать механизмы эффективного функционирования государственных и общественных институтов, непосредственно органов самой государственной власти становятся субъектами коррупционных процессов, заставляя предполагать, что формируемые ими нормы, регламентации, структуры реализации решений строятся не в расчете на оптимальное достижение результата, а на реализацию теневых схем коррупционного обогащения. В то же время одна треть публикаций в отношении ЛПР высшего уровня не говорит о масштабах распространения коррупции в высших эшелонах власти. Только непосредственное исследование в самих структурах управления может дать объективный ответ на этот вопрос. Вместе с тем характерно, что выделение субъекта коррупционного действия акцентировано переносится на высшие эшелоны власти. В «Российской газете» мы наблюдаем ту же картину что и в предыдущей позиции. Коррупционность ЛПР высшего уровня здесь отмечена на уровне 12,2 %. Отношение публикации аналогичных фактов в независимых изданиях к публикациям в «Российской газете» увеличивается уже до 2,6 : 1. Соответственно, в «Российской газете» возрастают доли публикаций о фактах коррупции на относительно низших уровнях должностных иерархий. Относительно низкие (кроме «Российской газеты») уровни публикаций о коррупции на низших уровнях управленческих иерархий не должно вво-

доть в заблуждение, поскольку, как и на высшем уровне, по материалам газет мы можем судить больше о характере фактов, нежели о масштабах их распространенности, а низшие уровни управления самые массовые.

Признак «Степень общности коррупционного события» фиксирует вовлеченность в коррупционное событие одного или нескольких участников. Степень вовлеченности фиксируется позициями «Индивидуальный», «Коллективный», «Иерархический». Они образуют шкалу стадий развития коррупционных явлений. Отдельно отметим, что по принятому нами определению «Иерархический» означает не тип внутренней организации преступной группы, а использование для осуществления коррупционных действий иерархического положения участников в официальной административной структуре организации и их формальных служебных связей типа руководства и подчинения. Позиции с пометкой «предположительно» означают, что в тексте нет прямого указания на характер вовлеченности, но по косвенным признакам, кодировщик делает собственное заключение о коллективной или иерархической вовлеченности в коррупционный процесс его участников. Обращает на себя внимание, что среди описываемых случаев только до 40 % являются актами с индивидуальным субъектом по все трем источникам. Остальные 60 % случаев фиксируют коллективное коррупционное действие. По совмещенным позициям «Иерархический» и «Иерархический предположительно» различия между независимыми и официальными источниками сохраняют тот же характер что и в предыдущих случаях. Иерархический тип коррупционного взаимодействия участников как наиболее опасный, затрагивающий саму структуру формальных организационных отношений в «Российской газете» присутствует в меньшем процентном отношении по сравнению с остальными. В независимых обобщенно иерархический присутствует чаще в отношении 1,8 : 1 и приближается к подобному соотношению по пункту «Социальная сфера коррупционного события», где, напомним, такое же соотношение равнялось 1,9 : 1.

Тип коррупционного акта — пункт содержит три позиции «Взятка», «Злоупотребление служебным положением», «Непотизм». Последний предполагает семейственность. Последнее время термин «Семья» приобрел расширенное значение, включающее не только лиц связанных узами родства, но и ближайшее окружение, в пределах которого деловые отношения требуют столь же неформальной и интимной доверительности как в семье. В нашем исследовании согласно трактовке понятия «непотизм» в текстах публикаций оно употребляется в прямом значении, включая дополнительно только гражданских жен коррупционеров. В публикациях типа «Анализ случая», которые мы сейчас рассматриваем, явление непотизма рассматривается спорадически, хотя в публикациях аналитического типа, эта форма коррупции становится объектом авторского внимания. «Взятка» и «Злоупотребление служебным положением» — квалификации непосред-

ственно принятые в текстах публикаций. Однако, в них распространена также квалификация «Превышение служебных полномочий». Ввиду близости двух последних в связи с фактическими обвинениями должностных лиц в коррупции, в классификаторе они нами объединены. Но, следует сказать, что если должностные лица высокого уровня становятся объектом атак со стороны своих политических оппонентов с целью их дискредитации, то обвинения в злоупотреблении служебным положением или превышении служебных полномочий становятся только поводом для оказания давления или устранения этих должностных лиц. В этих случаях обвинения носят размытый, абстрактный характер, обвинения предъявляются по решениям, целесообразность которых проблематична, коррупционная значимость эпизодов служебной деятельности сомнительна. В таких сомнительных случаях, а, возможно, и очевидных, а сомнительных только с точки зрения обвиняемых, сами обвиняемые, или их адвокаты и сторонники выступают с опровержением коррупционной значимости вменяемых действий. Принимая все это во внимание, оказывается затруднительным соразмерить относительную тяжесть деяний квалифицируемых как «Взятка» и «Злоупотребление служебным положением», первое, если факт доказан, очевидно, второе в ряде случаев остается непроясненным и неопределенным, хотя масштабы второго и в плане коррупционного дохода, а особенно в плане нанесенного ущерба могут оказаться несоизмеримо больше. В целом, с точки зрения наносимого ущерба и совокупных последствий, мы склонны считать квалификацию «Злоупотребление служебным положением» более тяжким коррупционным событием. По данному пункту сопоставление двух независимых источников и официального органа правительства сохраняет уже выявленную тенденцию в описании коррупции как общественного явления. В «Российской газете» эти два типа коррупционных событий занимают примерно одинаковое место, с небольшим перевесом преобладают случаи служебных злоупотреблений, тогда как в «Комсомольской правде» этот перевес вырастает почти вдвое, и в «Независимой» превосходит более чем на 20 %, то есть по данным независимых источников положение с коррупцией в обществе находится в более тяжелом состоянии, чем по данным официального источника.

Количественное определение коррупционного события. Данный пункт фиксирует коррупционное событие как единичный акт, как стереотипный, многократно воспроизводимый, повторяющийся одним субъектом коррупционного действия или многократно повторяющийся, но совершающийся в разных формах. «Единичность» коррупционного акта, совершаемого субъектом, является свидетельством начальной стадии поражения коррупцией общественного организма, «многократность» является следствием безнаказанности, слабости механизмов общественного контроля, наличием пробелов в организационном порядке систем управления, «многообразность» представляет наиболее глубокую фазу

разложения, когда сам организационный механизм ставится на службу коррупционным интересам отдельных личностей и групп. Таким образом, три позиции данного пункта последовательно квалифицируют коррупционное событие, описываемое газетной публикацией по степени тяжести, опасности для общества, по глубине поражения оргпроцессов общественной жизнедеятельности.

Мы даже с некоторым удивлением наблюдаем, с какой последовательностью воспроизводится позиционирование субъектов публикаций по отношению к регистрируемому ими социальному явлению. Оба независимых источника практически одинаково распределяют анализируемые случаи по градационным позициям. Четверть попадает в разряд единичных, чуть меньше половины, повторяются многократно, и почти треть относится к наиболее тяжелой форме — многообразных коррупционных событий. Официальный источник также как и в предыдущих случаях представляет общую картину в относительных долях в более благополучных оценках. Так, если события средней тяжести в нашей типологии, а именно многократные близки к совпадению во всех трех источниках, то в «Российской газете» доля наиболее тяжких сокращается за счет увеличения наименее тяжких, с 29 % (28 %) она падает до 12,2 %, соответственно доля наименее тяжких вырастает с 25 % до 41,5 %.

Форма выражения единичного коррупционного акта рассматривают альтернативу денежное — материальное, форму «благодарности» за оказанную «услугу». Денежная форма расчета с коррупционером абсолютно преобладает, архаическая форма «подарка», «подношения» уступает место рациональному расчету. Только в одном источнике денежная форма коррупционного «вознаграждения» не достигает 90 %, в двух других она составляет 94 % и 95 %. То есть «борзыми щенками» по прежнему берут, но всеобщий эквивалент безусловно предпочитают. Кстати, тень Гоголя витает над авторами, это осознаешь, когда узнаешь в названии статьи «Не по чину суешь» реплику Городничего: «Не по чину берешь!» Доминирование денежной формы явное свидетельство устоявшихся, фиксированных, вошедших в общественный обиход в качестве нормы коррупционных отношений. Денежная форма и массовость взятки превращает ее по аналогии с «административным ресурсом» в некоторое подобие «административной ренты».

Субъект обвинения. Квалификации «Частное лицо», «Участник события», «Должностное лицо», «Журналист» обозначают некоторые ролевые позиции членов гражданского общества. «Милиция», «Прокуратура», «Суд» представляют институализированных субъектов обвинения. Институализированный субъект обвинения преобладает «Независимая газета» — 69 %; «Комсомольская правда» — 75 %; «Российская газета» — 88 %. Впрочем, сказать с уверенностью, что проведенное нами измерение в соответствии с заданными нами же в рамках классификатора позициями

отражает реальное положение вещей нельзя. Модель описания события автором публикации отличается от модели регистрации описания события исследователем. Необходимые исследователю понятия, автором могут быть просто опущены, поскольку не представляют для него интереса, а социолог в таком случае фиксирует просто фазу расследования коррупционного случая, который последовательно проходит через этапы милиции, прокуратуры, суда. Он фиксирует фазу, в которой застал расследование дела репортер. Такого рода сомнение представляет повод для поиска контактов и взаимодействия периодических изданий с аналитическими социологическими службами, убеждает в целесообразности диалога между ними. Такой диалог, несомненно, пошел бы на пользу обеим сторонам, способствовал бы углублению содержательного анализа не только коррупции, но и других острых общественных проблем.

Стадия коррупционного события квалифицирует тот динамический момент в развитии расследования коррупционного случая, в который он стал объектом внимания автора публикации, и к которому принадлежит описание процесса расследования. Если бы мы исследовали тип публикаций «Журналистское сопровождение расследования коррупционного события», которое рассматривает фазу за фазой развития дела, в таком пункте классификатора необходимости не было бы. Но поскольку данный тип публикаций предполагает единственное сообщение, как бы одномоментную фотографию события, регистрация такой характеристики оказывается информативной.

Семь квалификационных позиций данного пункта распадаются на три группы. Первая относится к фазе, на которой коррупционное событие еще не стало достоянием деятельности правоохранительных органов. В нее входят позиции «Предание огласке» и «Факт задокументирован». Вторая группа объединяет фазы процесса расследования дела правоохранительными органами. К ней относятся «Проводится следствие», «Предъявлено обвинение», «Идет суд». Третья группа фиксирует окончательный результат, который может быть альтернативным, обвиняемые либо осуждены, либо оправданы. Первая группа по замыслу должна фиксировать наиболее быструю, инициативную реакцию прессы «на злобу дня», вскрывать негативные явления, которые заинтересованные личности и структуры стараются скрыть от внимания общественности. То есть выполнять ту социальную функцию, которая дает право журналистскому корпусу называть себя «цепными псами демократии». В этой группе по сумме двух позиций наилучший показатель у «Комсомольской правды» — 46 %, «Независимая газета» показывает средний результат — 25 %. Самый низкий у «Российской газеты» — 12 %. Как мы видим, значения имеют большой разброс. Вторая группа относит сообщения прессы к области рутинной газетной хроники. По значениям показателей в третьей группе можно судить, во-первых, о количестве дел, доведенных до конечного результа-

та, хотя и косвенно, и о соотношении обвинительных и оправдательных приговоров делах о коррупции. В материалах «Комсомольской правды» по округленным данным до результата доведено 17 % дел, отношение обвинительных приговоров к оправдательным 3 : 1, соответственно, «Независимой газеты» до окончательного результата доведено только два случая (6 %), из них один с обвинительным результатом, один с оправдательным. У «Российской газеты» эти показатели — 24 % доведены до результата, обвинительные превышают оправдательные в десять раз (10 : 1). Такие итоги могут служить ориентиром для сравнений при последующих замерах оценок прессой реакции общества на коррупционные процессы.

Пункт «Процесс». Предполагает регистрацию окончания процесса, вне зависимости от того, доведено ли дело до суда. Много нареканий и у нас и за рубежом вызывает то обстоятельство, что далеко не все дела о коррупции доводятся до суда. Данные, собранные нами, показывают, что показатель завершенности не превышает 29 % и снижается до 6 %.

Пункт «Правомерность установления виновности» по замыслу должен был оценивать отношение прессы к деятельности правоохранительных органов. Становятся ли журналисты на сторону представителей закона или обвиняемых. По разным поводам, как мы имеем возможность постоянно наблюдать, пресса занимает разные позиции. В отношении проблемы коррупции пресса явно поддерживает оценки и решения правоохранительных органов. Только в «Независимой газете» действия правоохранительных инстанций отрицательно оцениваются на уровне 16 %, в двух других случаях отрицательные оценки составляют 5 % и 0 %.

Итак, идентификация элементов текстов статей о коррупции типа «Анализ случая» в соответствии с позициями классификатора позволяет наблюдать обобщенную картину отражения этого социального феномена в прессе. Различия количественных характеристик отдельных признаков в разных источниках, когда эти различия проявляются с систематической последовательностью, свидетельствуют о различных подходах к трактовке событий, описанию, оценке, видению собственной роли отдельного корреспондента, или печатного органа в доведении до массовой аудитории фактов, событий, конфликтов, негативных процессов, сопровождающих общественное развитие. Стремление следовать «законам жанра» определяет выбор конкретных объектов, накладывает определенные ограничения на полноту и объективность подачи информации. Вместе с тем стремление к полноте, адекватности восприятия, достоверности, аналитической пронизательности, стремление вскрыть суть происходящих событий делает статьи о коррупции источником объективной информации не просто о текстах о коррупции, а о самих коррупционных процессах в обществе. Количественные значения отдельных фиксируемых показателей являются ориентиром значений признаков реальных коррупционных событий. При всех ограничениях они могут быть включены в состав индикаторов со-

социологического мониторинга коррупции, отслеживать динамику явления, рассматриваться как предварительные точки отсчета для социологического измерения коррупционных процессов другими методами. Не случайно контент-аналитические методики вводятся в состав комплексных социологических исследований социальных процессов. В то же время жанровое разнообразие текстов о коррупции в прессе зачастую не позволяет эффективно использовать одни и те же контент-аналитические методы для анализа всего спектра публикаций. Возникает потребность не только в проверке полученных результатов контент-анализа измерением характеристик социального явления непосредственно на самом объекте, но и проверке, или если не проверке, то дополнению полученной информации в рамках же контент-анализа, но, используя другие подходы, посредством других методов. Для эмпирического контент-анализа это распространенная практика.

В нашем случае такую возможность предоставляет метод дискурсивного анализа текста. Для измерения отбираются ключевые понятия описаний события в публикациях. Непосредственным объектом анализа становятся те характеристики, которые приписываются этим ключевым понятиям в суждениях (фразах), в состав которых они непосредственно включены. Полностью процесс такого анализа как процесс измерения не может быть полностью автоматизирован. Об этом свидетельствуют исследования в области интенциональной логики, лингвистики, языкознания. Эмпирический контент-анализ сочетает формализованные и неформализованные процедуры. Общая структура модели анализа коррупционных явлений, принятая в использованном нами для анализа публикации типа «Анализ случая» в классификаторе сохраняется. Рассматриваются суждения, включающие категории «коррупция», «взятка», «чиновник», «прокурор». Как можно видеть, «коррупция» относится к общему определению явления, «взятка» фиксирует конкретное коррупционное деяние, «чиновник» — субъект коррупционного деяния и «прокурор» — субъект обвинения. Таким образом, в минимальном выражении регистрируется цикл коррупционного события, также как он, но несколько более пространно, зафиксирован в классификаторе. При этом очевидно, что полного совпадения с моделью классификатора нет. Так «прокурор» может появиться не только в роли обвинителя, но и обвиняемого, так как это имеет место в классификаторе. В то же время «прокурор» только одна из персонификаций субъекта обвинения, другие, фиксируемые классификатором, опускаются. Обобщающая категория «чиновник» в текстах типа «Анализ случая» конкретизируется применительно к конкретному описываемому случаю, и каждый раз персонификация индивидуализирована, что, естественно, для дискурсивной версии контент-анализа создает известные трудности. Вот несколько примеров: «директор Истринского лесхоза», «судьи Бутырского суда и Бабушкинского суда», «началь-

ник собственной безопасности МЧС», «сотрудники пробирной палаты», «руководитель финансово-экономического департамента», «замначальника самого „хлебного“ — финансово-экономического департамента».

Понятия «коррупция», «взятка», «чиновник», «прокурор» взяты нами как общие определения категорий. В конкретном анализе текстов им могут соответствовать, например, категории «коррупция» — понятия коррупция, коррупционность, коррумпированность, коррупционный; категории «прокурор» — прокурор, прокуратура, прокурорский.

Представители прессы отчетливо сознают, что полностью осветить проблему коррупции через публикации в жанре «Анализ случая» невозможно, поэтому наряду с ним в газетах появляются статьи типа «Аналитические материалы», именно для них характерно оперирование обобщенными понятиями. Поэтому методика дискурсивного контент-анализа используется на материале данного типа текстов. И если на основе прямого сопоставления этих результатов с результатами контент-анализа на основе типологизации признаков отдельных случаев по классификатору добиться проблематично, то они, бесспорно, их существенно дополняют. Так в коррупционной картине общества система судопроизводства представлена на уровне 4 % относительно других сфер. Но этого недостаточно, чтобы судить много это или мало. Суждение же ответственного представителя элиты судейского корпуса, представленное в текстах типа «Аналитические материалы» и фиксируемое методикой дискурсивного контент-анализа: «В судах сложился мощный **коррупционный** (регистрируемый индикатор категории, выделено мной. — *Е. Б. и В. П.*) рынок», — будучи сопоставленным с табличными статистическими данными, существенно влияет на общую оценку коррумпированности судов.

Поскольку наше эмпирическое исследование коррупции носит экспериментальный характер, преследует по преимуществу методические цели, то мы останавливаемся на примерах наиболее отвечающих классическим образцам метода. Так в качестве индикаторов категорий в соответствии с содержанием исследования могут использоваться понятия, непосредственно трактуемые как категории (прокуратура, прокурор, прокурорский). Здесь мы не рассматриваем вопрос о вариациях в выражении категорий, использовании для выражения одних и тех же понятий синонимов, аббревиатур, паронимов, контекстуально зависимых синонимов, метафорических выражений, узнаваемых в текущем контексте, как обозначающих определенные категории, местоимений, употребляемых вместо понятий-категорий, также как не рассматриваем вариаций индикаторов, по которым фиксируется факт присутствия данных категорий в тексте. Характер, рассматриваемых нами понятий таков, что они занимают центральное место в смысловой структуре текста, выражены устойчивыми и однозначно трактуемыми терминами. Это существенно упрощает задачу.

Выбранные нами для анализа четыре категории, в совокупности фиксирующие некоторый модельный контур коррупционного цикла, таковы, что могут быть непосредственно объектом поиска в тексте. Поскольку мы исследуем три источника, то поиск осуществляется отдельно в каждом. В каждом из них последовательно осуществляется поиск каждой из категорий, в тех версиях понятий, в которых они представлены в тексте. Соответственно, все фразы (предложения) содержащие категорию в любой из задаваемых версий, фиксируется в протоколе результатов поиска. Эта процедура осуществляется автоматически.

Результаты на следующем этапе подвергаются ручной обработке. Для удобства сопоставления фраз исследователь (кодировщик) фиксирует употребленное понятие, выражающее категорию, в качестве субъекта или предиката суждения, если при этом необходимо переструктурировать предложение, в удобную для сопоставления форму, это делается, контролируя, однако, не изменился ли общий смысл фразы в результате такой реструктуризации. В графах протокола фиксируется термин, которым представлена категория в данной фразе, относится данный термин-категория к субъекту или предикату суждения, в самом предложении полужирным шрифтом выделяется в целом субъект и курсивом предикат для удобства их различения. Если необходима реструктуризация предложения, то его модифицированный вариант записывается в следующем поле таблицы.

Если проблема выделения субъекта и предиката суждения в грамматическом предложении представляет собой теоретически сложную задачу, то эмпирически этот результат может вполне успешно достигаться. Отсылаем читателя к приведенной в предыдущей статье цитате Й. Хейзинги по поводу возможности различения вкуса яблока и земляники, но невозможности описания этого различия [7, с. 103].

Общий объем текстов, квалифицированных как относящихся к типу «Аналитические материалы» составляет:

«Комсомольская правда» — 4 168 слов,

«Независимая газета» — 5 117 слов,

«Российская газета» — 14 748 слов.

Общее число употреблений понятий-категорий по отдельным источникам характеризуется значениями, представленными в табл. 2–5.

По результатам, приводимым в таблицах, можно сделать некоторые выводы. По интенсивности использования (количество упоминаний на 10 тысяч слов) лидирует категория «взятка» представленная понятиями «взятка», «взяткодатель», «взяточник», «взяточничество» в текстах типа «Аналитические материалы» в газете «Комсомольская правда» — 91 случай; на втором месте категория «коррупция» в «Комсомольской правде» и «Независимой газете» — по 45 случаев; категория «прокурор» — 41 случай в «Независимой газете»; категория «чиновник» интенсивнее всего используется в «Комсомольской правде» — 34 случая. В приве-

Таблица 2

№	Источник	Понятие категории	Всего в тексте источника	Число употреблений на 10 тысяч слов в источнике
1	Комсомольская правда	коррупция	18	43
2	Комсомольская правда	коррупционный	1	2
3	Комсомольская правда, всего:		19	45
4	Независимая газета	коррупция	18	35
5	Независимая газета	коррупцированность	3	6
6	Независимая газета	коррупцированный	1	2
7	Независимая газета	коррупцирован	1	2
8	Независимая газета, всего:		23	45
9	Российская газета	коррупция	41	28
10	Российская газета	коррупциогенность	4	3
11	Российская газета	коррупционер	1	1
12	Российская газета	коррупцированный	1	1
13	Российская газета	коррупцирован	1	1
14	Российская газета	коррупционный	6	4
15	Российская газета, всего:		54	37

денном анализе категории имеют значения констатации факта, или обозначение субъекта действия. В соответствии с этим можно фиксировать соотношение частоты употребления обобщающих обезличенных понятий и персонифицирующих. В тех случаях, когда категории представляют собой оценочные понятия, их информативность возрастает.

Существенно выше информативность суждений (фраз), в которых употреблены понятия, определяемые как категории. По содержанию, по своей функции в сообщении они очень разнообразны, но поддаются типологизации, могут сопоставляться в пределах обобщающих классов, на основании таких обобщений делаются выводы о доминирующих

Таблица 3

№	Источник	Понятие категории	Всего в тексте источника	Число употреблений на 10 тысяч слов в источнике
1	Комсомольская правда	взятка	26	62
2	Комсомольская правда	взятокодатель	1	2
3	Комсомольская правда	взяточник	7	17
4	Комсомольская правда	взяточничество	4	10
5	Комсомольская правда, всего:		38	91
6	Независимая газета	взятка	2	4
7	Независимая газета	взяточник	1	2
8	Независимая газета	взяточничество	3	6
9	Независимая газета, всего:		6	12
10	Российская газета	взятка	46	31
11	Российская газета	взятокодатель	2	1
12	Российская газета	взяточник	3	2
13	Российская газета	взяточничество	7	5
14	Российская газета, всего:		58	39

Таблица 4

№	Источник	Понятие категории	Всего в тексте источника	Число употреблений на 10 тысяч слов в источнике
1	Комсомольская правда	чиновник	14	34
2	Независимая газета	чиновник	4	8
3	Российская газета	чиновник	31	21
4	Российская газета	чин	4	3
5	Российская газета	чиновничий	1	>1
6	Российская газета, всего:		36	24

Таблица 5

№	Источник	Понятие категории	Всего в тексте источника	Число употреблений на 10 тысяч слов в источнике
1	Комсомольская правда	прокуратура	6	14
2	Комсомольская правда	прокурор	6	14
3	Комсомольская правда	прокурорский	2	5
4	Комсомольская правда, всего:		14	33
5	Независимая газета	прокуратура	9	17
6	Независимая газета	прокурор	10	20
7	Независимая газета	прокурорский	2	4
8	Независимая газета, всего:		21	41
9	Российская газета	прокуратура	8	5
10	Российская газета	прокурор	27	18
11	Российская газета	прокурорский	2	1
12	Российская газета, всего:		37	25

представлениях, парадигмах сознания, способах и формах оценивания явлений, соотношения альтернативных оценок, эмоциональной окрашенности оценок. Например, суждения: 1) **Создан президентский Совет по борьбе с коррупцией**; 2) **Недавно сформированный думский Комитет по безопасности в начале февраля сформирует Комиссию по борьбе с коррупцией**; 3) **Во вторник международная организация Transparency international представила доклад о том, как обстоят дела в мире с политической коррупцией** — однотипны, представляют собой нейтральные информационные сообщения.

Примеры суждений предписывающего типа: 1) Владимир Путин: **«В борьбе с коррупцией нужна системная работа, а не отдельные громкие дела»**; 2) Но добавил: **«В вопросах борьбы с коррупцией нам нужна системная и квалифицированная работа, а не отдельные громкие дела»** — два суждения в разных публикациях, восходят к одному источнику, лексические различия минимальны, по содержанию суждения идентичны. 3) **Самый простой способ убедить граждан в серьезности намерений власти — доведение до логического завершения конкретных дел в отношении чиновников любого ранга, уличенных в коррупции**; 4) **Без решительной смены правящей элиты коррупцию в регионе не победить** — суждения 3, 4 содержат предписание, обоснованное здесь же рецептом решения проблемы.

Примеры оценочных суждений: 1) Поэтому и не получается пока никакой **борьбы с коррупцией**; 2) Общий вывод: **с коррупцией в России вроде бы борются** — два суждения выражают несовпадающие позиции.

Примеры характеристики явления коррупции: 1) **Это совсем не свидетельствует об уменьшении коррупции в российских вузах**; 2) **Сегодня в России на коррупцию тратится каждый пятый заработанный рубль**; 3) Просто **коррупция переходит в скрытую форму**; 4) Социологи утверждают: **коррупция настолько укоренилась, что теперь существуют даже четкие таксы для тех, кто поступает на бесплатные отделения**.

Примеры альтернативы: 1) **Судейский корпус не коррумпирован, но нельзя утверждать, что у нас нет фактов взяточничества**; 2) **«Иногда нас обвиняют в коррумпированности»**, — отметил глава Высшего арбитражного суда; 3) **В судах сложился мощный коррупционный рынок**, заявил В. З. ...

Пример метафорической оценки: В диагнозе никто не сомневается — **коррупционная опухоль с метастазами по всему организму**.

На основании проведенного анализа складывается достаточно оснований, чтобы утверждать, предложенный инструментарий обладает достаточными ресурсами для эффективного контент-аналитического исследования текстов, являющимися документальными свидетельствами социальных явлений.

Литература

1. Фукидид. История. М.: Ладомир; Наука, 1993.
2. Саллюстий Крисп Г. Югуртинская война // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.: Наука, 1981.
3. Аппиан Александрийский. Римская история. М.: Ладомир, 2002.
4. Российская газета. <http://www.rg.ru/> Индекс Роспечати 50202.
5. Комсомольская правда. <http://www.kp.ru/> Индекс Роспечати 50057.
6. Независимая газета. <http://www.ng.ru/> Индекс Роспечати 39531.
7. Погорецкий В. Г. Контент-анализ — методические основания исследования в электронных СМИ. (В данном сборнике.)